

Н.И. Данилова, Н.И. Попова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.37.4.007

УДК 811.512.157'373

Ландшафтная лексика в якутском языке

Научная новизна. В статье впервые предпринимается попытка сравнительно-исторической характеристики орографической лексики якутского языка с базовым значением 'открытое место, поле, равнина, долина'. На основе ряда сравнительно-исторических, диалектологических, лексикографических и топонимических работ проведена систематизация ландшафтной лексики: установлен определенный объем лексических единиц якутского языка, отражающих сухопутный ландшафт, и некоторое количество лексических единиц, обозначающих водный ландшафт. Дано подробное лексикографическое, этимологическое описание выбранной тематической группы ландшафтной лексики современного якутского языка.

Цель и задачи. Целью статьи является выявление и описание ландшафтной лексики с базовым значением 'открытое место, поле, равнина, долина' современного якутского языка с решением следующих задач: систематизация ландшафтной лексики, ее классификация по тематическим группам и обсуждение проблемы происхождения группы слов, отражающих равнинный ландшафт.

Методы исследования. В статье использовались метод сплошной выборки, методы и приемы синхронно-описательного, сравнительно-исторического, лексикографического, количественного анализа.

Результаты. На конкретном материале, отражающем равнинный ландшафт, а именно орографической лексики с базовым значением 'открытое место, поле, равнина, долина', установлено, что каждая из номинаций характеризует местность по признаку ее расположения относительно поверхности земли или водоема как низменную или возвышенную, либо по характеру ее растительного покрова. Подтвердилось предположение о том, что ландшафтная лексика в якутском языке представлена как исконно тюркскими, так и монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, а также общими алтайскими основами, связанными с обозначением обширных открытых пространств, пригодных для ведения скотоводческой деятельности. Это является свидетельством того, что различные группы кочевников, в силу тех или иных исторических обстоятельств оказывавшиеся на территории Якутии и осваивавшие ее, вносили свой вклад в палитру разноязычных обозначений сходных географических объектов. Данный языковой материал может служить дополнительным источником в изучении проблемы этнической истории якутов.

Ключевые слова: якутский язык, говоры, ландшафтная лексика, равнинный ландшафт, семантика, тематическая группа, лексикографический анализ, сравнительно-исторический анализ

И. Введение. Лексика любого языка представляет собой открытую систему, подверженную различным влияниям, проникновениям, внутренним семантическим сдвигам, отслеживание которых предполагает ее изучение с разных сторон. Как один из наиболее древних и устойчивых пластов словарного состава языка интерес представляет ландшафтная лексика. Ее изучение на материале якутского языка необходимо, как нам представляется, и для определения естественных исторических условий возникновения географической терминологии в языках тюрко-монгольских народов Сибири.

Целью настоящей статьи является выявление и описание ландшафтной лексики современного якутского языка – орографической лексики с базовым значением ‘открытое место, поле, равнина, долина’ с решением следующих задач: систематизация ландшафтной лексики, ее классификация по тематическим группам и обсуждение проблемы происхождения группы слов, отражающих равнинный ландшафт. Дробное описание лексики, относящейся к понятию «равнина», может быть полезным при освещении вопросов этнической истории якутов, которые не считаются автохтонными на территории проживания, так как заселились сюда в IX–XI вв. и постепенно освоили этот край путем разведения лошадей и крупного рогатого скота, а начиная с XVII в. – занятием земледелием и различными домашними ремеслами.

Исследование предпринято с использованием метода сплошной выборки, лексикографического, синхронно-описательного и сравнительно-исторического, количественного методов и приемов исследования на основе лексикографических источников по тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам.

II. Материалы и методы. Ландшафтная лексика широко отражена в словарях разной типологии и сравнительно-исторических исследованиях по тюркским языкам. Первым в истории востоковедения фундаментальным трудом, в котором на материале всех современных тюркских языков, их диалектов, а также письменных памятников рассмотрено происхождение общетюркского лексикона, является «Этимологический словарь тюркских языков», изданный Институтом языкознания РАН под редакцией

Э.В. Севортяна. Особое значение для развития методов сравнительно-исторического и этимологического исследования материала тюркских языков представляет дополнительный девятый том названного словаря, где с применением нового для тюркологии лексико-статистического метода была предложена глоттохронология тюркских языков. Содержательную основу тома составил список слов базовой лексики тюркских языков [ЭСТЯ, 2013: 5], включающий в том числе и географические названия.

Интересующая нас тематическая группа лексики тюркских языков богато представлена и в томах «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», в том числе в части, посвященной словарному составу. В томе «Лексика», изданном в 2001 году, с использованием сравнительно-исторического, историко-типологического, лингвогеографического и ареального методов, а также методов реконструкции была восстановлена лексика праязыка тюрков. Значительным в методологическом плане является один из постулатов творческого коллектива, согласно которому словарный состав языка является надежным и достоверным источником получения знаний о культурном и историческом прошлом народа [СИГТЯ, 2001: 6].

Том второй данного фундаментального исследования интересен тем, что в нем на обширном систематизированном материале получила подтверждение высказанная ранее идея об обособленном положении якутского языка среди типологически родственных языков. Так, было выдвинуто предположение о раннем отмежевании якутской ветви от остальных тюркских языков и ее изоляции после перемещения носителей на Лену [СИГТЯ, 2002: 661]. Действительно, данное положение о раннем обособлении якутского языка от родственных тюркских языков и его длительных тесных контактах с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими получило подтверждение в ряде исследований.

Теоретической и методологической новизной последнего к настоящему времени шестого тома сравнительно-исторической грамматики явилось восстановление языковой картины мира пратюрков [СИГТЯ, 2006: 3]. В томе была обоснована необходимость междисциплинарного подхода к исследованию проблемы истории развития языков и этносов тюркского происхождения с при-

влечением широкого круга как собственно лингвистических, так и исторических, этнографических, археологических данных.

Лексика тюркских языков Сибири, в том числе ландшафтная, также является предметом активного анализа и обсуждения современных сравнительно-исторических исследований. Ученые предполагают, что в результате длительных контактов и взаимодействия на территории Сибири сформировался собственный базовый лексический фонд [Широбокова, 2014: 4], который демонстрирует общность как в пределах собственно тюркских языков Сибири, так и монгольских и тунгусо-маньчжурских.

Интерес к якутско-монгольским лексическим соответствиям, в том числе в области ландшафтной лексики объясняется тем, что в якутском языке выявилось наибольшее количество монголизмов (около 2500 лексем), хотя последние присутствуют в разной степени насыщенности во всех тюркских языках, независимо от современного расселения их носителей [Рассадин, 1980: 92].

Тюркская ландшафтная лексика рассматривается также в связи с исследованием бурятской ономастики в работах Л.В. Шулуновой, Е.В. Сундуевой, Р.Г. Жамсарановой и других. Авторы отмечают параллельное бытование общих тюрко-монгольских географических терминов на территории Байкальского региона [Шулунова, 1995: 23], что служит основанием для предположения о былых тесных контактах монгольских и тюркских племен в данном регионе. Труды сибирских языковедов в целом служат методологической основой для дальнейших исследований в целях выявления как региональных межтюркских, так и тюрко-иноязычных языковых связей.

Обширная система специальной лексики, отражающей особенности и характерные черты природных объектов естественного происхождения, обнаруживается и в якутском языке. В той или иной степени полноты ландшафтная лексика содержится в сравнительно-исторических, диалектологических, лексикографических, топонимических, этнологических, культурологических работах, в общих чертах установлено происхождение [Антонов, 1966; Габышева, 2019; Калужинский, 1978; Иванов, 2001; Иванов, 2017 и др.]

Материал для данной статьи извлечен из известных академических переводных, толково-переводных и диалектологических словарей якутского языка [Пекарский, 1958–1959; ЯРС 1972; ДСЯЯ 1976; Бетлингк, 1990; ДСЯС 1995; БТСЯЯ 2004; 2012; 2013; 2016], где представлен эквивалент слова или толкование его значения на русском языке. Кроме того, в толково-переводных словарях якутского языка, как правило, приводится сравнительный материал, подтверждающий то или иное происхождение слова. Обширный материал по ландшафтной лексике якутского языка с параллелями из тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков представлен в «Словаре топонимной лексики Республики Саха» [СТЛ, 2019]. Диалектологические словари якутского языка представляют богатый материал, иллюстрирующий фонетические, морфологические и семантические различия слова в территориальных говорах. В статье использованы также доступные монгольско-русские словари [БАРМС, 2011; БРС, 1973], из которых извлечен сравнительный материал. Значительным источником сопоставления послужил «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ, 1975], а также этимологические словари алтайских и тюркских языков [EDAL, 2003; ЭСТЯ, 1974; ЭСТЯ, 1978; ЭСТЯ, 1989; ЭСТЯ, 2013].

III. Результаты. Методом сплошной выборки из названных лексикографических источников в якутском языке обнаружено более семидесяти лексических единиц, отражающих ландшафт естественного природного происхождения, в том числе обозначающие сухопутные и водные объекты.

Лексика, обозначающая природный сухопутный ландшафт, легко распределяется по трем тематическим группам, ориентированным на особенности форм рельефа относительно поверхности земли при ее горизонтальном и вертикальном членении, а именно:

– лексика, обозначающая положительную форму рельефа, т.е. различные возвышения: бугры, холмы, горы и т.д., например: *быраан* (*мыраан*) ‘гора, холм’, *дабаан* ‘возвышенность’, *кырдал* ‘возвышенность’, *сыыр* ‘горка’, *томтор* ‘пригорок’, *хайа* ‘гора’ и др.;

– лексика, обозначающая отрицательную форму рельефа, т.е. различные понижения, впа-

дины, ложбины, ущелья и т.д.: *анхай* ‘яма’, *аппа* ‘овраг’, *куоһах* ‘ложбина’, *кэнкэмэ* ‘впадина, промоина’, *хаспах* ‘яма, рывина’ и др.;

– лексика, обозначающая равнинный рельеф, куда входят степи, поля, луга, долины и т.д., например: *алаас* ‘алас’, *сыһыы* ‘луг’, *толоон* ‘поляна’, *таала* ‘равнина’ и др.

Группа слов, охватывающая лексику, отражающую особенности грунта по степени его увлажненности, распадается на две группы. Для обозначения сухого грунта используются слова типа *буор* ‘земля, почва’, *кумах* ‘песок’, *элэһин* ‘песчаный берег’ и т.д., а для обозначения увлажненного грунта – *бадараан* ‘болото’, *кута* ‘трясина’, *маар* ‘марь’, *тумара* ‘марь’ и др.

В отдельную группу мы выделяем лексику, отражающую местоположение объекта относительно другого, каковым может являться либо водный, либо лесной массив: *арыы* ‘остров’, *кытыл* ‘берег, побережье’, *ойоос* ‘островок’, *ой* ‘лес-колок’. В данном случае ландшафтная лексика обозначает особенность географического объекта по сравнению с остальным окружением.

В самостоятельную группу мы также объединили лексику, отражающую особенности растительного покрова ландшафта. Это *ойуур* ‘лес, лесная чаща’, *тайба* ‘густой дикий лес, тайга’, *тыя* ‘лес’, *чагда* ‘сосновый бор’, *чаран* ‘роща’ и др. Как видно из перечисленного, в эту группу включены слова, обозначающие какие-либо виды леса.

Лексику, воссоздающую водный ландшафт, мы распределили по двум тематическим подгруппам:

– лексика, обозначающая изолированные водоемы: *байбал* ‘море’, *көлүэ* ‘озерко’, *күөл* ‘озеро’, *элгээн* ‘озеро в долине реки’ и др.;

– лексика, отражающая водный поток: *курулгэн* ‘водопад’, *өрүс* ‘река’, *сыккыс* ‘ручеек’, *үрэх* ‘речка’ и др.

Очевидно, что значительное количество ландшафтной лексики номинирует объекты сухопутного ландшафта. Как показывает материал этимологического словаря алтайских языков [EDAL, 2003], во многих из них произошли семантические изменения.

Для лексикографического и сравнительно-исторического анализа в рамках статьи выбрана тематическая группа лексики с базовым значе-

нием ‘открытое место, поле, равнина, долина, луг’, куда входят лексические единицы: *алаас* ‘алас’, *алыы* ‘речная долина’, *бабарах/бабарчах/бабалчах* ‘круглая обширная низменность’, *налыы* ‘низменное место, заливаемое водой, покосное угодье’, *сыһыы* ‘луг’, *толоон* ‘поляна’, *таала* ‘равнина’, *хонуу* ‘поле’, *хочо* ‘долина’, связанные с определенной хозяйственной деятельностью человека. Интерес к данной группе слов обусловлен тем, что предки современных якутов, предположительно тюркоязычные и монголоязычные, оказавшись на территории современной Якутии, заселили и освоили прежде всего равнинные местности, наиболее удобные для продолжения традиционного занятия скотоводческой деятельностью. На основе анализа текстов якутского эпоса подчеркивается, что «описание полей, долин, аласов и т.п. как счастливого места *дьоллоох сир* обусловлено факторами этнокультурного и хозяйственно-экономического порядка. Эти земли являются единственно пригодными в качестве природной среды обитания для якутов, коневодов и скотоводов» [Габышева, 2019: 286]. Это обусловило сохранение единиц, обозначающих виды равнинного ландшафта, в составе активной лексики, которая составляет ядро лексической системы языка и используется для обозначения наиболее существенных для носителей языка предметов и явлений внешнего мира.

Алаас – место, площадка, окруженная лесом [Бетлингк, 1990: 434]. Материал словарей якутского языка показывает, что *алаас* понимается как чистый луг, окруженный лесом, с озером посередине и сенокосными угодьями [Пекарский, 1958-1959: 67; ЯРС, 1972: 37; БТСЯЯ, 2004: 391]. Это слово в качестве народного географического термина объясняется также как ‘поляна, луг, открытая небольшая равнина, открытое поле в лесу’ [Мурзаев, 1984: 46]. Якутское *алаас* сравнивается в источниках также с древнетюркским словом *Ала* – местность с летними пастбищами вблизи Ферганской долины [ДТС, 1969: 33]. В «Словаре географических названий» Э.М. Мурзаева имеется алан, аланг ‘открытое место, поляна, какая-то ровная площадка (тюрк.)’ [Мурзаев, 1984: 45]. В параллелях, приводимых Э.М. Мурзаевым вслед за Э.В. Севортьяном [ЭСТЯ, 1974: 135], смешано

несколько алтайских основ, в т. ч. ПТю *jalaj ‘голый’ > ‘открытое место в лесу’ [ЭСТЯ, 1989: 135]. Об этом же свидетельствует и материал EDAL, где представлена общеалтайская основа r’âlâ ‘поле’, которая в пратунгусском *râla-n: имеет значение ‘поляна, ровное место’, в тюркском *ala-n / *ala-ŋ и праяпонском *râgâ – ‘равнина’ [EDAL, 2003: 1120].

Очевидно, что в словарном определении лексемы сконцентрирована характеристика, согласно которой *алас* воспринимается и интерпретируется как ландшафтное явление — чистая, гладкая местность (поле, луг, поляна), покрытая луговой растительностью, окруженная лесом и пригодная для освоения хозяйственной деятельностью. Это значение слова *алаас*, как нам представляется, является первичным и актуальным для всех носителей якутской культуры [Дьячковский, Попова, 2014: 59 – 60]. Данный географический объект характерен в основном для Центральной Якутии, поэтому слово *алаас* «не имеет диалектного эквивалента» [Иванов, 2017: 182].

Алыы – в противоположность *аласу* непригодная для хозяйственной деятельности местность, поросшая кустарником [Пекарский, 1958–1959: 84; ЯРС, 1972: 40; БТСЯЯ, 2004: 441], мелкой растительностью [СТЛ, 2019: 49; БТСЯЯ, 2004: 441]. В словаре О.Н. Бетлингга слово не зафиксировано. Обращаясь к диалектным характеристикам (а диалект зачастую рассматривается как исторический источник), обнаруживаем, что *алыы* в говорах имеет определенные семантические различия: а) поляна, долина посреди леса, заросшая кустарником и мхом; б) поляна, иногда с водоемом, покрытая травой и мхом; в) ровное поле [ДСЯЯ, 1976: 44], которые, вероятно, обусловлены локальными особенностями ландшафта. В долганско-немецком словаре М. Стаховского представлены значения ‘чистое место в тундре, болото’ [Stachovsky, 1993: 33], которые также демонстрируют самобытную географическую среду обитания тундренного народа.

На основании материалов словарей якутские *алас* и *алыы* как по сходству внешнего фонетического облика, так и по семантическому содержанию легко возводятся к тюркскому *ала*, *алан*, *аланг* в значении ‘плоский, ровный’, ‘ровная, открытая и обширная местность’; ‘поле, доли-

на, равнина’ [ДТС, 1969: 33; ЭСТЯ, 1974: 135; Мурзаев, 1984: 44–45]. Это подтверждается и данными Этимологического словаря алтайских языков, где *алаас* и *алыы* представлены как однокоренные [EDAL, 2003: 1120].

Баҕарах / *баҕарчах* / *баҕалчах* – основное значение слова, согласно всем привлекаемым лексикографическим источникам якутского языка сводится к предметной номинации: плоский низкий (обычно из глины) сосуд для хранения, кипячения или варки молока, мяса или рыбы [Бетлингк, 1990: 585; Пекарский, 1958–1959: 327–328; ЯРС, 1972: 58; ДСЯС, 1995: 46; БТСЯЯ, 2005: 153]. Большой толковый словарь якутского языка в качестве второго переносного в современном якутском языке дает значение ‘округлая низменность’ [БТСЯЯ, 2005: 153], а в говорах вилюйских якутов фиксирует значение ‘часть луга, вклинившаяся в лес в форме круглого плоского кувшина’ [ДСЯС, 1995: 46]. Близкое к этому значение приводит Багдарьин Сүлбэ, а именно ‘низменность, поле, луг округлой формы; место расширения луговины (когда принимает округлую форму) в травянистых речках’ [СТЛ, 2019: 61], которое автор соотносит с монгольским *бага* и бурятским *бага* со значением ‘малый, небольшой’ [Там же]. В [ЭСТЯ, 1978: 46] находим слово *бакыреч* со значением ‘медь, медный котел, ковш, кастрюля, ведро’, которое со ссылкой на М. Ряснену под вопросом соотносено с якутским *баҕарах*. В EDAL слово *baҕарах* в значении ‘кастрюля для кипячения молока’ представлено как фонетический вариант пратюркской основы *bakir* ‘1 медь 2 налет, патина’ [EDAL, 2003: 349]. Можно предположить, что в данном случае представлена «семантическая модель ‘материал → предмет из материала’, которая распространена в тюркских языках и часто реализуется при помощи прибавления к основе уменьшительных аффиксов» [ЭСТЯ, 1978: 277], т.е. в данном случае произошло семантическое развитие слова по модели ‘медь → сосуд из меди’. При этом, как отмечают тюркологи, хотя «значение ‘медь’ составляет основу всего семантического состава бакыр, ... большее распространение получило значение разных сосудов» [ЭСТЯ, 1978: 46], которое в якутских реалиях перешло в ‘сосуд, кувшин из глины’. Далее метафорический перенос по форме предмета лег в основу якутской ланд-

шафтной номинации ‘часть луга в форме сосуда’. Тот факт, что основное значение слова *баџарах* также сводится к обозначению предмета, сближает его с тюркским *бакыреч*. Надо отметить, что представленные формы содержат уменьшительно-ласкательный аффикс: *-ах* (*баџарах*), *-чак/-чах* (*баџарчах*), *-ач/еч* (*бақыреч*) [Щербак, 1977:100–101], что также может подтвердить их семантическую связь.

Налыы – мелководье (большее, чем подразумеваемое под словом *чычаас* (мелкий) водное пространство на побережье озера, мелкое и поросшее травой [Пекарский, 1959: 1670]; низменное место, заливаемое водой, покосное угодье [БТСЯЯ, 2009: 539]; низменное, заливаемое водой место, сенокосное угодье; водное пространство на побережье озера, мелкое и поросшее травой [СТЛ, 2019: 168–169]. В EDAL приводится основа *nālV* со значением ‘земля, страна’, от которой произошли тюрк. **jalaŋ* ‘поле, степь’ и монг. **nala-* ‘широкий, обширный’, которая со ссылкой на Ст. Калужинского и Е. Стаховского соотносится с якутскими и долганскими *palaj-*, *nelej-* [EDAL, 2003: 962]. В якутском языке глагольная основа *налай-* имеет значение ‘тянуться, простираться (напр., о долине)’ [БТСЯЯ, 2009: 445], *нэлэй-* ‘широко открываться, раскидываться, простираться (о местности)’ [БТСЯЯ, 2009: 510]. В современном монгольском языке имеется основа *налуу* со значениями 1. отлогий, покатый, пологий; наклонный, косой; 2. наклон, скат; [БАМРС, 2001а: 271], имеющая отношение к ландшафтной лексике. Очевидно, что якутское *налыы* имеет монгольское происхождение, являясь либо производным от глагольной основы *налай-* либо усвоенно якутским в именной форме *налуу*, подвергшись гармонизации в соответствии с характером гласного первого слога.

Сыһыы – плоская поверхность, равнина; поле, луг [Бетлингк, 1990: 634]. Более поздние словари якутского языка добавляют значения ‘поле, нива, луг, поляна’ [Пекарский, 1958–1959: 2496; ЯРС, 1972: 363]. В говорах якутского языка данное слово постоянного диалектного эквивалента не имеет [Иванов, 2017: 182]. Как видно из материала БТСЯЯ, в современном якутском языке это слово понимается как ‘широкая равнина, луг, долина’ [БТСЯЯ, 2012: 495].

В тюркских языках, преимущественно в диалектах, параллель якутского *сыһыы* имеет широкое распространение в разных фонетических вариантах в широком диапазоне значений, базовым из которых можно считать ‘пространная равнина, степь’ [ЭСТЯ, 1989: 73]. Тюркологи отмечают присутствие слова *jazy* уже в древнетюркских памятниках в значении ‘степь, равнина’ [ДТС, 1969: 251] и считают его производным от глагола *jaz-* ‘расстилать, стелить’, образованным с помощью суффикса *-y* [ЭСТЯ, 1989: 73]. Эти же значения приводит Этимологический словарь алтайских языков: здесь зафиксирована пратюркская основа в значениях ‘1 плоский, 2 степь, плоская почва, 3 расстилать, расправлять складки’ [EDAL, 2003: 473].

Активное употребление слова *сыһыы* в современном якутском языке может свидетельствовать о том, что тюркоязычная этническая группа, прибывшая некогда на территорию Якутии и участвовавшая в формировании якутского этноса, обозначила данным словом географический объект, напомиравший степную зону, знакомую ей по месту прежнего обитания.

Таала – равнина или возвышение, удобное для отдыха, место для отдыха скота [Пекарский 1958–1959: 2533]; высокий гористый берег, гористая местность, возвышенность [ЯРС, 1972: 371]; долина, поле [Мурзаев, 1984: 556]; равнина с твердой сухой поверхностью [БТСЯЯ, 2013: 77].

Установлено, что в северо-восточных говорах якутского языка *таала* также имеет значения: крутой, осыпающийся берег, обрыв; солончак; горка, высокий лес. Предположительно последние два значения могли возникнуть под влиянием тунгусских диалектов [Иванов, 2017: 183].

В древнетюркском языке *tala* имеет значение ‘степь’ [ДТС, 1969: 528], а в монгольско-русском словаре в 4-х томах [БАМРС, 2001б: 181] и Бурятско-русском словаре [БРС, 1973: 411] *тал*, *тала* зафиксированы в значении ‘поле, степь, равнина, открытое пространство’. Можно утверждать, что в якутском *таала* переплелись значения слов тюркского и монгольского происхождения, что следует расценивать как результат древнего взаимовлияния этих языков.

Вместе с тем исследователи отмечают озвончение анлаута в слове *tala* в современных тюркских языках Средней Азии и кыпчакских [СИГ-

ТЯ, 2001: 99]. Кроме того, В.Л. Шулунова слова *тала* и *дала* ‘степь’ включила в список общих тюрко-монгольских географических терминов [Шулунова, 1995: 23]. Здесь следует добавить, что анлаутное *д* в якутских основах с варьированием *д/т* предположительно возникло «вследствие длительного контактирования якутского языка с монгольскими, вероятнее всего монгольско-тюркского двуязычия какой-то группы предков якутов или же якутизации монгольских племен на территории, ныне занимаемой якутами» [Дьячковский, 1977: 107].

EDAL в данной основе устанавливает монгольско-тунгусскую изоглоссу: отмечены пратунгусская основа со значениями: 1 далеко от берега, в открытом море 2 залив 3 гладкая поверхность моря 4 стихать (о ветре) и прамонгольская в значениях: 1 степь, открытое место 2 мирный, спокойный [EDAL, 2003: 1396].

Толоон – долина, широкое поле, луг. Эти значения зафиксированы во всех словарях якутского языка [Бетлингк, 1990: 549; Пекарский, 1958–1959: 2716; ЯРС, 1972: 388; БТСЯЯ, 2013: 434]. Э.К. Пекарский зафиксировал также диалектный вариант *талаан* со значением ‘поле’ [Пекарский, 1958–1959: 2535]. Такое вариативное употребление *толоон/талаан* дает основание С.А. Иванову предположить, что когда-то в якутском языке употреблялось слово *таала* в значении ‘степь’ [Иванов, 2017: 183]. Примечательно, что ни в ЭСТЯ, ни в ДТС, ни в СИГТЯ, ни в современных словарях тюркских языков слово, сколько-нибудь сходное с якутским *толоон*, не зафиксировано. В то же время современный монгольский язык обнаруживает слово *дөлөөн*, относящееся к разряду ландшафтной лексики со значением ‘высокий и ровный скат, спуск, отлогий скат’ [БАМРС, 2001а: 61]. Учитывая наличие в ряде говоров якутского языка варианта *долоон*, а также закономерного чередования *ө-о* и *т-д* в языке, можно допустить, что именно монгольское *дөлөөн* присутствует в якутском языке в форме *толоон* со значительным семантическим сдвигом ‘высокий и ровный скат → ровная поверхность на высоком месте’.

Кроме того, одним из свидетельств монгольского происхождения слова *толоон* может выступать его использование в современном языке в составе парного слова *сыһыы-толоон*, имеющего одно обобщенное значение ‘равнина, поле’.

Так как компонентами парных слов в якутском языке довольно часто выступают слова разного происхождения, типа *иһит-хомуос* с общим значением ‘посуда’, где *иһит* – якутское ‘посуда’, а *хомуос* – фонетизированное русское ‘ковш’ или *дьүһүн-бодо*, где *дьүһүн* монгольское ‘внешний вид, наружность’, а *бодо* тюркское ‘тело, туловище, стан, фигура’ и др., можно предположить, что в парном слове *сыһыы-толоон* представлены изначально тюркское *сыһыы* ‘поле, равнина’ и монгольское *толоон* ‘возвышенное место’.

Интересно отметить, что в некоторых диалектных зонах вместо *толоон* встречается также монголизм *элэһин*, который в отдельных говорах имеет значение ‘песок и песчаная без растительного покрова гора’ [Иванов, 2001: 85]. Для сравнения приведем бурятское «элсэн ‘песок’ калмыцкое, монгольское *элс*, *элсэн манхан* ‘дюна’, ‘бархан’. Нередки формы *элисун*, *элесун* [Мурзаев, 1984: 637].

Хонуу – поле, поляна, луг [ЯРС, 1972: 497; БТСЯЯ, 2016: 576–577]. В словарях О.Н. Бетлингк и Э.К. Пекарского уточняется местоположение *хонуу* как возвышенное [Бетлингк, 1990: 534; Пекарский, 1958–1959: 3482–3483]. При этом Э.К. Пекарский квалифицирует слово *хонуу* предположительно как отглагольное существительное со значением ‘ночевка, место ночевки’ – производное от глагола *хон-* ‘проводить ночь, ночевать, переночевать, остановиться на ночёвку’ [БТСЯЯ, 2016: 677]. При этом собственно глагольную основу *хон-* он соотносит с тюрко-монгольской глагольной основой *хон-*, *хону-* со значением ‘остановиться и переночевать’ [Пекарский, 1958–1959: 3478]. С.А. Иванов предполагает, что исходной основой якутского *хонуу* является тюркское *қонау* со значением ‘место отдыха, остановки’ [Иванов, 2017: 184]. Близкое значение ‘место пребывания, жительства; жилище’ находим также в основе древнетюркского слова *қонуи* [ДТС, 1969: 483]. Ст. Калужинский ставит знак равенства между якутским *хонуу* и приведенным древнетюркским словом *қонуи*, которое в свою очередь могло произойти от *қон-* со значением ‘опускаться, садиться, оседать, поселиться’. Данная глагольная основа сопоставляется с якутским *хон-* ‘ночевать’ и монгольским *қоно-* ‘провести ночь’ [Калужинский, 1978: 73]. Такое предположение дало основание С.А. Ива-

нову утверждать, что значение слова *хонуу* ‘поле, пастбище’ в современном якутском языке является результатом метафорического переноса от значения ‘место отдыха, ночевки’ [Иванов, 2017: 184], что находит подтверждение в [EDAL, 2003: 760]. Примечательно, что и в современном монгольском языке ХОНД II означает 1) ровная местность; 2) небольшое стойбище в ровных низменных местах [БАМРС, 2002: 105].

Хочо – долина, широкий луг, поле, поляна. Во всех привлеченных источниках при всем разнообразии значений присутствует значение ‘долина’ [Пекарский, 1958–1959: 3541; ЯРС, 1972: 504; БТСЯЯ, 2016: 634]. Большой толковый словарь якутского языка сравнивает его с древнетюркским *хол* [БТСЯЯ, 2016: 634], которое в ДТС приведено в значении ‘долина, вадь’ [ДТС, 1969: 453]. В современном монгольском языке *хошуу(н) III* определяется как 1) выступ, мыс, заостренная часть *чеге-л.*; клин; б) мыс *хадан хошуу* каменный мыс [БАМРС, 2002: 123]. Близкое к этому значение зафиксировано в Этимологическом словаре алтайских языков, где приводится общеалтайская основа *kõše* со значением ‘кромка, выступ’: пратунгусская ‘излучина реки, мыс, угол’, прамонгольская ‘выступ, клюв’. В пратюркском ‘1 боковые части груди 2 козырек’, в прапюнкском ‘берег, край’, в пракокорейском ‘выступ, край крыши’ [EDAL: 726–727]. В данной же словарной статье со ссылкой на ССТМЯ отмечено, что имеется также маньчжурское *qо᠑о*, которое представляет собой сложный для объяснения случай и возможное заимствование из какого-то амурского языка [EDAL, 2003: 726]. Действительно, можно говорить о широком распространении этого слова в тунгусо-маньчжурских языках: эвенкийском, эвенском, негидальском, ульчском и других – в значении ‘излучина (реки)’ [ССТМЯ, 1975: 419–420].

Имеющийся материал дает основание предположить, что тунгусо-маньчжурское *кочо~қочо~чочу* по фонетическому составу близко к якутскому *хочо*, так как чередования *к~қ~х* и *о~у* представляются вполне закономерными. Из этого следует, что якутское *хочо* может рассматриваться как заимствование из тунгусо-маньчжурских языков.

IV. Обсуждение. Ландшафтная лексика, входящая в базовый лексический фонд тюркских

языков, отражена в словарях разной типологии, обсуждается в сравнительно-исторических исследованиях. Разнообразие в якутском языке ландшафтной лексики по ее происхождению – тюркская, монгольская, в редких случаях тунгусо-маньчжурская – интерпретируется так, что этнические группы, прибывавшие на территорию Якутии в разное время разными волнами, оставляли свои следы и в виде разноязычных обозначений сходных географических объектов. Со временем те или иные названия закреплялись за определенными видами ландшафта, приобретая свои отличительные семантические признаки. Многообразие лексических единиц со значением ‘поле, равнина, долина, широкое открытое место’ в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках обусловлено наличием у каждой из них отдельного отличительного признака. Так, якутское *алаас* в первую очередь равнинный объект, но отличается от всех подобных объектов по способу формирования. Это термокарстовое образование, представляющее собой впадину или котловину, окаймленную холмами, поросшими лесом, имеющую посередине озеро, которое характерно лишь для территории центральной части Якутии. При этом *алаас* служит в качестве сенокосного угодья и места выпаса скота, тем самым играет важную роль в хозяйственной деятельности якутского народа.

Остальные объекты можно сгруппировать в зависимости от их расположения относительно поверхности земли или водоема как низменные или возвышенные, а также в зависимости от разности характера их растительного покрова. По свидетельству носителей языка, зафиксированных в источниках, на низменных местах в долине реки располагаются: *алыы* ‘долина’, *налыы* ‘низменность, ровное место в низине’, *хочо* ‘речная долина’. На некотором возвышении в сухом месте находятся *баҕарах* ‘небольшой луг, небольшая поляна’, *хонуу* ‘поле’, *сыһыы* ‘луг’, *таала* ‘равнина’, *толоон* ‘поляна’. *Алыы* определяется как непригодная для хозяйственной деятельности местность, поросшая кустарником. Для остальных объектов характерна травянистая растительность, что делает их пригодными для использования в качестве места выпаса скота и покосного угодья.

V. Заключение. Исследование в рамках статьи позволило установить следующее.

1. Якутский язык обладает значительным объемом лексики, характеризующей все особенности ландшафта местности.

2. Как показывает лексикографический анализ, с середины XIX в. в интерпретации ландшафтных объектов в якутском языке заметных изменений не произошло.

3. Сведения, полученные из диалектологических работ, а именно отсутствие эквивалентов рассматриваемых слов в говорах якутского языка, свидетельствуют об их распространении по всей территории Якутии.

4. Ландшафтная лексика равнинного рельефа представлена как исконно тюркскими, так и монгольскими, а также общими тюрко-монгольскими основами, связанными с обозначением обширных открытых пространств и свидетельствующими о том, что тюркоязычные и монгольские предки якутов традиционно проживали в степных широких открытых зонах, пригодных для ведения скотоводческой деятельности и до своего появления на современной территории проживания. На этом основании ландшафтная лексика может рассматриваться как дополнительный источник в разработке проблемы этнической истории народа саха-якутов.

Список литературы:

Антонов Н.К. Основные ландшафтные названия в якутском языке // Доклады на XIV научной сессии. Язык, литература и история. Якутск, 1966. С. 11–23.

Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.

Габышева Л.Л. Культурные коннотации ландшафтных терминов в якутском языке // Литера. 2019. № 6. С. 284–290.

Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Ч. 2. Консонантизм. Якутск: Якутское книжное издательство, 1977. 256 с.

Дьячковский Ф.Н., Попова Н.И. Алаас как концепт якутской лингвокультуры // Урало-алтайские исследования. 2014. № 1 (12). С. 58–66.

Иванов Н.М. Монголизмы в топонимах якутского языка. Якутск, 2001. 204 с.

Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 392 с.

Калужинский Ст. Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (II) // Rocznik orientalistyczny. 1978. Т. 40. Z. 1. Pp. 71–82.

Рассадин В.И. Монголизмы в якутском языке // Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. С. 67–90.

Широбокова Н.Н. Отражение языковых контактов в лексике тюркских языков Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Выпуск 14. Новосибирск, 2014. С. 4–21.

Шулунова Л.В. Бурятская ономастика. АДД. Улан-Удэ, 1995. 30 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. Ленинград, 1977. 176 с.

Stachovsky Marek. Dolganischer Wortschatz. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellorskiego, 1993. 264 p.

Словари:

БАМРС 2001а – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т.2: Д–О. М.: Academia, 2001. 485 с.

БАМРС 2001б – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т.3: О–Ф. М.: Academia, 2001. 437 с.

БАМРС 2002 – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т.4: Х–Я. М.: Academia, 2002. 501 с.

БРС 1973 – Бурятско-русский словарь. М.: Наука, 1973. 803 с.

БТСЯЯ 2004 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 1. Буква А. Новосибирск: Наука, 2004. 688 с.

БТСЯЯ 2005 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 2. Буква Б. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с.

БТСЯЯ 2009 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 6. Буквы Л–Н. Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.

БТСЯЯ 2012 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 9. Буква С (сөллөй-сээн, буква h). Новосибирск: Наука, 2012. 640 с.

БТСЯЯ 2013 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 10. Буква Т. Новосибирск: Наука, 2013. 584 с.

БТСЯЯ 2016 – Большой толковый словарь якутского языка. Т. 13. Буква Х. Новосибирск: Наука, 2016. 648 с.

ДСЯС 1995 – Воронкин М.С., Алексеев М.П., Васильев Ю.И. Диалектологический словарь языка саха (дополнительный том) // Саха түүлбэ тылын тылдыта (эбии том). Новосибирск: ВО «Наука», 1995. 294 с.

- ДСЯЯ 1976 – Афанасьев П.С., Воронкин М.С., Алексеев М.П. Дialeктологический словарь якутского языка. М.: Наука, 1976. 392 с.
- ДТС 1969 – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
- Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 656 с.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: в 3 т. 2-е издание. М., 1958–1959. 3858 стлб.
- СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М.: Наука, 2002. 767 с.
- СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006. 908 с.
- ССТМЯ 1975 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. А-Н. Л.: Наука, 1975. 672 с.
- СТЛ 2019 – Багдарыын Сүлбэ. Словарь топонимной лексики Республики Саха. Местные географические термины и понятия. Якутск, 2019, 324 с.
- ЭСТЯ 1974 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 768 с.
- ЭСТЯ 1978 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 348 с.
- ЭСТЯ 1989 – Севортян Э.В., Левитская Л.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989. 291 с.
- ЭСТЯ 2013 – Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков [Составитель А.В. Дыбо]. Астана: Prosper Print, 2013. 616 с.
- ЯРС 1972 – Якутско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. 608 с.
- EDAL 2003 – Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov). Leiden, 2003. Pp. 1556.
- References:**
- Afanas'ev P.S., Voronkin M.S., Alekseev M.P. *Dialektologicheskij slovar' jakutskogo jazyka* [Dialectological dictionary of the Yakut language]. Moscow: Science Publ., 1976. 392 p. (In Yakut)
- Antonov N.K. *Osnovnye landshaftnye nazvaniya v jakutskom jazyke* [The main landscape names in the Yakut language]. *Doklady na XIV nauchnoj sessii. Jazyk, literatura i istorija* [Reports at the 15th scientific session. Language, literature and history]. Jakutsk, 1966. Pp. 11-23 (In Russian)
- Bagdaryyn Sylbje. *Slovar' toponimnoj leksiki Respubliki Saha. Mestnye geograficheskie terminy i ponjatija* [Dictionary of Toponym Vocabulary of the Sakha Republic. Local geographical terms and concepts]. Jakutsk, 2019. 324 p. (In Russian)
- Boehlingk O.N. *O jazyke jakutov* [On the language of the Yakut]. Novosibirsk: Science Publ., 1990. 646 p. (In Russian)
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'* [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Volume 2. Letters D-O. Moscow: Academia Publ., 2001. 485 p. (In Russian)
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'* [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Volume 3. Letters O-F. Moscow: Academia Publ., 2001. 437 p. (In Russian)
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'* [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Volume 4. Letters Kh-Y. Moscow: Academia Publ., 2002. 501 p. (In Russian)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 1. Letter A. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 688 p. (In Yakut)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 2. Letter B. Novosibirsk: Science Publ., 2005. 912 p. (In Yakut)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 6. Letter L-N. Novosibirsk: Science Publ., 2009. 519 p. (In Yakut)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 9. Letters S-h (söllöj-sään, letter h). Novosibirsk: Science Publ., 2012. 640 p. (In Yakut)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 10. Letter T. Novosibirsk: Science Publ., 2013. 584 p. (In Yakut)
- Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka* [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Volume 13. Letter Kh. Novosibirsk: Science Publ., 2016. 648 p. (In Yakut)
- Burjatsko-russkij slovar'* [Buryat-Russian Dictionary]. Moscow: Science Publ., 1973. 803 p. (In Buryat)
- Gabyшева L.L. *Kul'turnye konnotacii landshaftnyh terminov v jakutskom jazyke* [Cultural connotations of landscape terms in the Yakut language]. *Litera*. 2019. № 6. Pp. 284-290. (In Russian)

D'jachkovskij F.N., Popova N.I. *Alaas kak koncept jakutskoj lingvokul'tury* [Alaas as a concept of Yakut linguoculture]. *Uralo-altajskie issledovanija* [Ural-Altai studies], 2014. №1(12). Pp. 58-66 (In Russian)

D'jachkovskij N.D. *Zvukovoj stroj yakutskogo jazyka. Ch. 2. Konsonantizm* [The sound system of the Yakut language. Part 2. Consonantism]. Yakutsk: Yakutsk book Publ., 1977. 256 p. (In Russian)

Drevnetjurkiskij slovar' [Old Turkic dictionary]. Leningrad: Science Publ., 1969. 677 p. (In Russian)

Ivanov N.M. *Mongolizmy v toponimah jakutskogo jazyka* [Mongolisms in Yakut toponymy]. Jakutsk, 2001. 204 p. (In Russian)

Ivanov S.A. *Leksicheskie osobennosti govorov jakutskogo jazyka* [Lexical characteristics of Yakut patois]. Novosibirsk: Science Publ., 2017. 392 p. (In Russian)

Jakutsko-russkij slovar' [Yakut-Russian dictionary]. Moscow: Soviet encyclopedia Publ., 1972. 608 p. (In Yakut)

Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Sostavitel' Dybo A.V. [Etymological dictionary of Turkic languages]. Volume 9 (additional). Astana: Prosper Print Publ., 2013. 616 p. (In Russian)

Kaluzhinskij St. *Jetimologicheskie issledovanija po jakutskomu jazyku. Dvuslozhnye osnovy (II)* [Etymological studies of the Yakut language. Disyllabic stems (II)]. *Rocznik orientalistyczny* [Orientalist Yearbook]. 1978. Volume 40. Z. 1. Pp. 71-82. (In Russian)

Murzaev Je.M. *Slovar' narodnyh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folklore geographical terms]. Moscow: Thoughts Publ., 1984. 656 p. (In Russian)

Pekarskij Je.K. *Slovar' jakutskogo jazyka* [Dictionary of the Yakut language]. In 3 volumes, edition 2. Moscow, 1958-1959. 3858 stlb. (In Yakut)

Rassadin V.I. *Mongolizmy v jakutskom jazyke* [Mongolisms in Yakut]. *Mongolo-burjatskie zaimstvovanija v sibirskih tjurkskih jazykah*. Moscow: Science Publ., 1980. Pp. 67-90. (In Russian)

Sevortjan Je.V. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvu «B»* [Etymological dictionary of Turkic language. Common Turkic and Inter-Turkic stems which end on the letter "B"]. Moscow: Science Publ., 1978. 348 p. (In Russian)

Sevortjan Je.V. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic language. Common Turkic and Inter-Turkic stems which end on vowels]. Moscow: Science Publ., 1974. 768 p. (In Russian)

Sevortjan Je.V., Levitskaja L.V. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvy «Ж», «Zh», «J»* [Etymological dictionary of Turkic language. Common Turkic and Inter-Turkic stems which end on the letters "D", "Zh", and "J"]. Moscow: Science Publ., 1989. 291 p. (In Russian)

Shherbak A.M. *Ocherki po sravnitel'noj morfologii tjurkskih jazykov: Imja* [Essays on the Comparative Morphology of Turkic Languages: Name]. Leningrad, 1977. 176 p. (In Russian)

Shirobokova N.N. *Otrazhenie jazykovykh kontaktov v leksike tjurkskih jazykov Sibiri* [Representation of language contacts in vocabulary of Turkic languages in Siberia]. *Jazyki i fol'klor korennyh narodov Sibiri* [Language and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. Release 14. Novosibirsk, 2014. Pp. 4-21. (In Russian)

Shulunova L.V. *Burjatskaja onomastika* [Buryat onomastics]. Ulan-Udje, 1995. 30 p. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic languages]. Vocabulary, Edition 2. Moscow: Science Publ., 2001. 822 p. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Prattjurkiskij jazyk-osnova. Kartina mira prattjurkiskogo jetnosa po dannym jazyka [Comparative historical grammar of Turkic languages. Ur-Turkic base-language. Worldview of a proto-Turkic ethnos based on linguistic data]. Moscow: Science Publ., 2006. 908 p. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Regional'nye rekonstrukcii [Comparative historical grammar of Turkic languages. Regional reconstructions]. Moscow: Science Publ., 2002. 767 p. (In Russian)

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov [Comparative dictionary of Tungusic languages]. Volume 1. Letters A – N. Leningrad: Science Publ., 1975. 672 p. (In Russian)

Stachovsky Marek. *Dolganischer Wortschatz* [Dolgan vocabulary]. Kraków: Nakladem Uniwersytetu Jagiellorskiego, 1993. 264 p. (In German)

Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. With the assistance of I. Gruntov and V. Glumov. Leiden, 2003. 1556 Pp. (In English)

Voronkin M.S., Alekseev M.P., Vasil'ev YU.I. *Dialektologicheskij slovar' jazyka sakha (dopolnitel'nyj tom)* [Dialectological dictionary of the Sakha language (additional volume)]. Novosibirsk: VO "NaukA", 1995. 294 p. (In Yakut)

N.I. Danilova, N.I. Popova

Landscape Vocabulary in the Yakut Language

Scientific novelty. The article deals with landform vocabulary that characterizes geographical objects of both natural and anthropogenic origin, which is a part of the stable vocabulary of the Yakut language. Based on a number of dialectological, lexicographical, and toponymical sources 54 Yakut lexical units representing natural landforms have been identified. In addition, 17 lexical units indicating water landforms were found as well as 6 lexical units indicating landforms of anthropogenic origin.

The aim. For the first time, an attempt has been made to classify a certain group of lexemes representing the names of geographical features by thematic groups and subgroups. *Research methods.* The article is used the comparative-historical method and the lexicographical analysis.

Results. On a specific material reflecting the flat landform, namely the vocabulary of 8 units with a basic meaning ‘open place, field, plain, valley’, we found that each of them characterizes the area based on its upper or lower location relative to the ground surface or a water body or by its vegetation. The proposition has been confirmed that the landform vocabulary in the Yakut language is represented by both native Turkic and Mongolian as well as by the General Turkic-Mongolian stems associated with designation of vast open spaces suitable for cattle breeding. It indicates that various groups of nomadic cattle breeders that found themselves on the territory of Yakutia due to certain historical circumstances and inhabited it contributed to the palette of multilingual designations of similar geographical objects. This linguistic material can serve as an additional source for studying the problem of Yakut ethnic history.

Keywords: Yakut language, patois, landform vocabulary, semantics, thematic group, lexicographical, comparative-historical analysis, flat landform